

Евгений НОСОВ

(КУРСК)

Как вам всем известно, меня и еще некоторых писателей причисляют к так называемой «деревенской прозе». Получается так, что существуют просто писатели и просто поэты, свободные граждане нашей литературы, которые вольны избирать любую тему или же вовсе не избирать никакой. И никто с них за это ничего не спросит. И существуем мы, «деревенщики», с которых спрашивается многое. Правда, говорят, что назвали нас так вроде бы не совсем удачно, обещали чем-то заменить это название, да так и присохло. Ходить в «деревенщиках» уже тем не удобно, что за провинность одного из нас критики секут всю «деревенскую прозу» оптом. Так сказать, для профилактики. Так что писателей названного профиля украшают не только книжицы и книжки, но и не проходящие синяки и шишки. Однако надо полагать, что это лишь придает им определенный запас гражданской прочности. Не знаю, по этому ли поводу в Воронеже некогда ходила присказка, что, мол, за одного Кочербитова двух Некочербитовых дают...

Сколь помню послевоенную «деревенскую прозу», с самого её зарождения (а родоначальником таковой справедливо будет считать В. Овечкина),

столь же давно подвергается она на своем пути постоянным нападкам всякого рода перестраховщиков и ревностных радетелей бесконфликтности в литературе. И такие нападки понятны и диалектически закономерны, потому что уж больно щекотлива и непроста деревенская тематика, как непростой оказалась сама жизнь, ее породившая. Эти перестраховочные нападки начались еще с самого Овечкина, когда тот, одержимый страстью переустройства нашей деревни, еще не сняв окопной гимнастерки, написал свою горячую и благородную повесть «С фронтовым приветом», во многом предопределившую его «Районные будни».

Был период, когда местные воронежские чины не подавали руки Г. Троепольскому за его повесть «В камышах». Не здоровались потому, что агроном и писатель Троепольский публично предупреждал: «Осушение земель в нашем краю пониженной влажности — большая ошибка. Надо остановиться!» Не послушались. Продолжали спрямлять реки и речки, обезвоживать луга, тем самым неразумно высушивая не только землю, но и душу самого земледельца.

Подобных мелиораторов напоминают некоторые наши критики. Уж очень им иногда не терпится выпрямить того или иного писателя. Приложивши аршин, сделать так, чтобы река его творчества не петляла, на их взгляд, излишне прихотливо и своенравно меж естественных берегов народной жизни, а чтобы мчалась она без всяких излишеств, никуда не сворачивая, по четко отшнурованному руслу. Подобные попытки выправить творческое русло писателя не единожды предпринимались по отношению к таким зрелым и глубоко мыслящим художникам, как А. Яшин, Ф.

ЛИТЕРАТУРА

7 ДЕК 1980

1980

Абрамов, В. Белов и В. Астафьев, В. Шукшин и С. Залыгин. В чем только их не обвиняли; и в упрощении патриархальной, и в искажении правды, и в незнании психологии современного крестьянина, и вообще в отрыве от современности. Как тут не вспомнить былые раповские замашки, когда вот так же обвиняли во всех смертных грехах первого нашего «деревенщика» Михаила Шолохова!

Не так давно среди писателей «деревенщиков» были предприняты новые выпрямительные работы. Я имею в виду минувшую дискуссию о путях развития «деревенской прозы».

Разве можно всерьез воспринимать нижеследующее в статье зачинателя дискуссии: «Русская литература всегда была равнодушной к тому пласту жизни, где зарождалась политическая, государственная идея, а писала «маленького человека» — станционного смотрителя». Позвольте, кто мог сказать столь вопиющую неправду? В том-то и дело, что особенностью русской литературы, поставившей ее в ряды крупнейших литератур мира, как раз и является то, что она с самых своих начал не была развлекательной словесностью. От «Слова о полку Игореве» и до «Войны и мира» русская литература проносила через века священный образ Родины и думы о ее судьбе. Что же касается советской литературы, в том числе и «деревенской», то можно с гордостью сказать, что мы сегодня оставляем потомкам такое художественное наследие, по которому, как по самым достоверным источникам, можно изучать и нашу историю, и нашу политику, и экономику, и духовную культуру.

Могу с полной гарантией

сказать, что приведенная цитата никакого отношения к «деревенской прозе» не имеет, а следовательно, и не имеет права быть вынесенной на общественную дискуссию. Равно как и то утверждение, будто «наша литература не торопитесь заметить Нечерноземье», и вроде бы «она даже недовольна самим термином «Нечерноземье», полагая, что весь набор политико-экономических преобразований слишком мелок, сиюминутен, «нелитературен», не достоин «фиксирования».

Рановато нам разговаривать со своим народом на железном, легированном языке, к чему так страстно призывал зачинатель дискуссии. Раню! Не поймет нас простой рабочий люд. Да и никогда не поймет нечеловеческого, лязгающего языка. Все это от лукавого.

Так же как от лукавого и все попытки некоторых слабонервных критиков спрямить течение художественного процесса, упростить его, зарегулировать. По поводу такого спрямления позвольте в заключение прочитать стихи известного нашего поэта, только что напечатанные в «Комсомольской правде»:

Есть прямота,
как будто кривота.
Она внутри самой себя
горбата.

Жизнь перед ней
безвинно виновата
за то, что так рисунком
непроста.

Партия избрала нас, писателей, себе в помощники по духовному воспитанию народа. Планы партии вдохновляющи, задуманное ею — грандиозно. Вот почему мы должны быть выше всяких школ и школок, выше надуманных и мелочных противостояний. Вот почему мы обязаны объединить свои силы для воплощения в жизнь общенародных чаяний. (Аплодисменты).